

На правах рукописи

ВИНОКУРОВ Дмитрий Александрович

**ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XIX – XX вв.**

07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Казань – 2012

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории ФГОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Обыденнова Гюльнара Талгатовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Солицев Николай Игоревич
ННГУ им. Н.И. Лобачевского
(г. Нижний Новгород)

кандидат исторических наук, зав. отделом
Липаков Евгений Васильевич
Институт Татарской энциклопедии АН РТ
(г. Казань)

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Защита состоится 17 мая 2012 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д. 212.081.01 по присуждению ученой степени доктора исторических наук при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420015, г. Казань, ул. Карла Маркса, 74, корпус Института истории КФУ, ауд. 3.11.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Электронная версия автореферата размещена на официальном сайте Казанского (Приволжского) федерального университета <http://www.ksu.ru>; <http://www.vak.ed.gov.ru>

Автореферат разослан «____» апреля 2012 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

Д.Р. Хайрутдинова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Современный этап развития исторической науки характеризуется существенным расширением методологического, методического и тематического горизонтов изучения механизмов формирования исторических представлений и памяти эпохи, взаимовлияния историографического процесса и его социокультурного окружения. Значительное количество работ, связанных с изучением исторических идей, написаны в междисциплинарном ключе, позволяющем творчески объединить подходы и методы историографического исследования, интеллектуальной истории, истории идей и социальной истории науки¹. Вопросы изучения историографии истории русской церкви, не говоря об их серьезном общественном звучании, связанном с поиском российским обществом в последнее время своей религиозной самоидентификации, также оказались включенными в этот процесс. В этом отношении первоочередными становятся задачи рассмотрения динамики историографической рефлексии в отношении к центральным фигурам истории русской церкви.

Наследие одного из крупнейших церковно-политических деятелей отечественного Средневековья Иосифа Волоцкого (1439 – 1515) превратило его имя в многозначный символ. «Иосифлянский» вклад в основы русской средневековой цивилизации и культуры, в развитие политической системы конца XV – начала XVI вв. настолько велик, что позволяет говорить о его основополагающем характере для указанных критерии вплоть до эпохи Петровских преобразований. Проблема изучения и осмыслиения вклада Иосифа Волоцкого в развитие российской государственности и культуры по праву может быть названа одной из «вечных» тем отечественной науки и общественной мысли. Единству убежденности пишущих об Иосифе Волоцком в том, что российскую историю «невозможно представить без этого имени»² противостоит самый широкий разброс оценок его деятельности, которая на разных этапах развития историографии и общественной мысли оценивалась по-разному и, порой, в диаметрально противоположных категориях. Иосиф Волоцкий, как отметил выдающийся исследователь Я.С. Лурье, никогда не был «безразличной фигурой»³ ни для современников, ни для исследователей.

¹ См., например: Вандалковская М.Г. Историческая мысль русской эмиграции. 20 – 30-е гг. XX в. М., 2009; Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930 – 1950-е гг.). Брянск, 2005; Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара, 2011; Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005; Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.

² Золотухина Н.М. Иосиф Волоцкий. М., 1981. С. 5.

³ Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий как публицист и общественный деятель // Послания Иосифа Волоцкого. Изд. Зимин А.А., Лурье Я.С. М.; Л., 1959. С. 19.

Иосиф Волоцкий принадлежит к плеяде деятелей, которые существенным образом «корректировали историческое развитие» России¹. Поэтому историографическая проекция оценок данной коррекции образует сложный, многосоставный субстрат. Такие стороны деятельности Иосифа Волоцкого, как обоснование им в ряде посланий необходимости формирования новой – самодержавной политической системы, его суждения о социальной структуре общества, борьба с «ересью жидовствующих», завершившаяся кострами 1504 г., принципиальная защита права монастырского землевладения и провал секуляризационных устремлений Ивана III, активность волоцкого игумена в области строительства новых форм культурного идеала Руси, наконец, его «внешнеполитические» воззрения вплоть до наших дней оказываются наполненными актуальным социально-политическим звучанием².

Категории «неоднозначности», «спорности», «амбивалентности» отражают смысл многовековых разногласий относительно оценки деятельности Иосифа Волоцкого в истории. С одной стороны, обращение и актуализация наследия Иосифа Волоцкого на различных этапах развития отечественной историко-философской и публицистической мысли способствовали ее самоидентификации, форсировали и обогащали ее развитие, с другой – разнообразные историософские схемы нередко закрепляют в сознании исследователей «историографические призраки»³, порождают различные историографические конвенции, оказывая самое определенное влияние на процесс изучения деятельности Иосифа Волоцкого.

Знаменитые слова Г.В. Флоровского о том, что об иосифлянстве «писали скорее слишком много»⁴, не раскрыв при этом сути явления, продолжают оставаться актуальными. Отсутствие в современной науке нормативных запретов и трактовок позволяет приступить к ее научному изучению. Поэтому содержательное историографическое исследование, в котором будет учитываться весь спектр мнений и теорий относительно значения Иосифа Волоцкого в отечественной истории является актуальным и необходимым.

¹ Рогожин Н.М. Русские святые в контексте отечественной истории // Проблема святых и святости в истории России / Отв. ред. А.Н. Сахаров, П. Каталано. М., 2006. С. 50.

² Винокуров Д.А. Иосиф Волоцкий в проблемном поле историографии XIX – XXI вв.: наука и идеологическое мифотворчество // Дні науки історичного факультету: Матеріали Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих учених, присвячено 90-річчю Гетьманату Павла Скоропадського. – Вип. I: у 2-х част. Ч. 1. Київ, 2008. С. 123-126; Винокуров Д.А. От праведника до национал-большевика: некоторые наблюдения над трансформацией образа Иосифа Волоцкого в сети Интернет // Славянский мир: сборник материалов круглого стола. Уфа, 2008. С. 13-21; Винокуров Д.А. «Просветитель» Иосифа Волоцкого в сети Интернет: особенности хранения и интерпретации // Русская литература в мрежата: текстове и читене / Сост. и ред.: Р. Русев, М. Костова-Панайотова, Й. Люцканов. София, 2010. С. 45-53.

³ Luria J. Problems of Source Criticism (with Reference to Medieval Russian Documents) // Slavic Review. 1968. Vol. 27. № 1. P. 21.

⁴ Флоровский Г.В. Пути русского богословия. 3-е изд. Париж, 1983. С. 17.

Объектом настоящего исследования выступает отечественная историография XIX – XX вв., находящаяся в тесной связи с общественной мыслью, в которой находили отражение проблемы истории идеально-религиозных течений эпохи образования единого Русского государства (конец XV – XVI вв.).

Предметом исследования является комплекс исторических, общественно-политических, философских и религиозных концепций, теорий, взглядов, лежащих в основе изучения истории раннего иосифлянства и осмысления роли Иосифа Волоцкого и его наследия в истории России.

Согласно авторскому плану, **целью** исследования является рассмотрение истории изучения деятельности Иосифа Волоцкого и его сторонников (иосифлян) в отечественной исторической науке, а также ее восприятия в общественной мысли XIX – XX веков сквозь призму академических, идеологических, политических, религиозных взглядов, проявляющихся в авторских исторических концепциях и формирующих устойчивый образ Иосифа Волоцкого.

Эта цель может быть достигнута при решении следующих **задач**:

- определить круг историографических источников, связанных с изучением деятельности Иосифа Волоцкого и его сподвижников в дореволюционной, эмигрантской и советской исторической науке;

- показать основные особенности этапов изучения и осмысления деятельности Иосифа Волоцкого на протяжении XIX – XX вв.;

- изучить базисные основания теорий, концепций и взглядов на деятельность Иосифа Волоцкого в отечественной исторической науке и общественной мысли XIX – XX вв.;

- выявить степень влияния внеакадемических факторов (идеологических, религиозных, субъективных) а также социально-экономического и социокультурного контекста эпохи на историографию Иосифа Волоцкого на различных этапах ее развития;

- выяснить какие элементы учения Иосифа Волоцкого оказывались наиболее востребованными для подкрепления положений той или иной идеологии;

- дать оценку результатам изучения деятельности Иосифа Волоцкого, сформированных различными историографическими подходами XIX – XX вв., с позиции перспективности их дальнейшего использования;

Хронологические рамки исследования охватывают временной период XIX – XX веков как время становления и развития дореволюционной, эмигрантской и советской историографии, обладающих качественной спецификой. Выбор хронологических рамок исследования объясняется завершенностью указанных периодов – их изучение может оказать позитивное влияние на современный историографический процесс. Нижней хронологической границей исследования является первая четверть XIX в., когда происходило становление и развитие церковно-исторической науки, в рамках которой впервые началось целенаправленное изучение истории и источников, связанных с деятельностью Иосифа Волоцкого. Верхняя граница определяется 1991 го-

дом, обозначившим водораздел между периодом развития исторической науки, в котором изучение вопросов истории русской церкви испытывало нормативное влияние марксистско-ленинской методологии, и периодом методологического и идеологического плюрализма, наступившего после распада Советского Союза.

Характеристика источников. Для решения поставленных в исследовании задач был задействован комплекс источников. *Основными источниками*, на базе которых делаются выводы, являются две группы источников, тесно связанных между собой. *Первую группу* составляет совокупность текстов научных исследований, созданных в XIX – XX вв., в которых нашли отражение результаты изучения деятельности Иосифа Волоцкого: монографии, статьи, рецензии, обзоры. Во *вторую группу* входят работы публицистического содержания. В корпус *дополнительных источников* входят источники личного происхождения и нормативно-правовые документы.

Первая группа основных источников исследования, в свою очередь, по своей качественной специфике делится на три подгруппы.

В *первую подгруппу* входят специальные, в том числе источниковедческие и литературоведческие работы, посвященные изучению наследия Иосифа Волоцкого: труды дореволюционных исследователей Н.А. Булгакова, А.В. Горского, В.И. Жмакина, С.В. Иванова, П.С. Казанского, Н.И. Костомарова, В.Н. Малинина, К.И. Невоструева, Н.П. Попова, И.П. Хрущова и др.; эмигрантских – С.А. Зеньковского, М. Раева, И. Денисова, И. Шевченко и др.; советских – Н.К. Голейзовского, И.П. Еремина, А.А. Зимина, Н.М. Золотухиной, Н.А. Казаковой, А.И. Клибанова, Б.М. Клосса, Я.С. Лурье, А.И. Плигузова, В.Ф. Ржиги, Б.А. Рыбакова, М.Н. Тихомирова и др.

Во *вторую подгруппу* входят обобщающие труды по истории России XV – XVI вв., истории средневековой русской церкви, литературы и философии, в которых вопросы изучения деятельности Иосифа Волоцкого, не имея специального характера, составляли неотъемлемую часть авторских концепций. В эту подгруппу входят труды митр. Платона (Левшина), еп. Иннокентия (Смирнова), митр. Филарета (Гумилевского), митр. Макария (Булгакова), П.В. Знаменского, А.А. Доброклонского, Е.Е. Голубинского, М.А. Дьяконова, В.Е. Вальденберга, В.С. Иконникова, П.Н. Милюкова, А.С. Архангельского, А.Н. Пыпина и др. (дореволюционный период); среди эмигрантских авторов – труды Г.В. Вернадского, Н.М. Зернова, М.М. Карповича, А.В. Карташева, И. Кологривова, П.Е. Ковалевского, И. Мейendorфа, С.Г. Пушкарева, Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского и др.; в советский период роль Иосифа Волоцкого в контексте образования единого Русского государства рассматривалась в используемых в исследовании трудах И.У. Будовница, А.А. Зимина, С.М. Каштанова, В.В. Мавродина, Н.М. Никольского, В.С. Покровского, А.М. Сахарова, Р.Г. Скрыникова и др.

В *третью подгруппу* входят материалы энциклопедий, словарей и справочников дореволюционного и советского периодов, которые могут дать представление об основных приоритетах изучения и оценках исторических

фактов и явлений на различных этапах развития историографического процесса.

Вторую группу основных источников составляют работы публицистического содержания, в которых идеи, выработанные в рамках академической науки, презентовались для широкого круга читателей, обсуждались посредством журнальной полемики, приобретали общественное звучание, происходила их филиация. К этому же типу источников можно отнести и научно-популярную литературу советского периода, посвященную истории русской церкви, в которой в максимально контрастной форме излагались идеи, предназначенные для внедрения в общественное сознание. В исследовании, в частности, рассматриваются публицистические работы П.А. Бессонова, М.В. Довнар-Запольского, Р.В. Иванова-Разумника, О.Ф. Миллера, С.П. Мельгунова, В.В. Розанова, В.Я. Стоюнина, А.П. Щапова, а также значительное число неавторизованных текстов публицистического содержания (дореволюционная публицистика); Н.А. Бердяева, П.С. Лопухина, Ф.А. Степуна, Н.И. Ульянова и др. (эмигрантская публицистика), а также А.В. Белова, Н.Н. Буркина, Н.М. Гантаева, А.Д. Дмитрева, М.Ф. Паозерского, Г.Г. Прошина, А.М. Самсонова и др. (советские исследователи, выступавшие в качестве популяризаторов марксистских взглядов на историю русской церкви).

К дополнительным источникам, привлеченным в исследовании, относятся источники личного происхождения (дневники, мемуары, переписка историков) и нормативно-правовые документы, оказавшие прямое или косвенное влияние на историографический процесс. В работе используются различные источники личного происхождения: мемуары, переписка, дневниковые записи историков, которые дают ценную информацию об авторской саморефлексии, а также неофициальных оценках той или иной идеи в профессионально-исторической и общественной среде. В исследовании задействованы нормативно-правовые акты и делопроизводственная документация, в которых, в частности, раскрывается взаимосвязь между государственным заказом и теми идеями, которые продуцирует историческая наука.

Степень изученности темы. Содержательного научного историографического исследования, в котором бы целенаправленно исследовался комплекс идей и концепций, связанных с изучением и осмысливанием деятельности Иосифа Волоцкого на данный момент не существует. Историография располагает лишь некоторыми частными наблюдениями над историографическим процессом, как правило, интерналистского характера.

Первая половина XIX в. характеризуется становлением церковно-исторической науки, некоторое время бывшей практически единственной формой изучения истории русской церкви. В этот период важно было начать специальное изучение истории русской церкви, а деятельность Иосифа Волоцкого в обобщающих трудах таких исследователей, как митр. Платон (Левшин), архиепископ Амвросий (Орнатский), еп. Иннокентий (Смирнов), митр. Филарет (Гумилевский) рассматривалась в виде интерпретации житийного материала. В рамках церковно-исторической науки были сделаны лишь

отдельные оценочные характеристики воззрений того или другого историка церкви на Иосифа Волоцкого.

Некоторый историографический резонанс наметился в связи с публикацией «Просветителя» силами преподавателей Казанской духовной академии (1855 – 1857): вопрос о публикации этого ценного памятника и его значения для древнерусской литературы вызвал к жизни критические замечания представителей как церковной, так и светской исторической науки. Уже в 1859 г. анонимный автор «Православного собеседника» в безапелляционной форме оформил позицию (нашедшую впоследствии как сторонников, так и противников), согласно которой «книгу эту едва ли даже можно назвать самостоятельным, или в строгом смысле слова русским произведением»¹. К этому можно добавить некоторое расхождение взглядов историков первой половины XIX столетия в оценке противоеретической деятельности Иосифа Волоцкого: митр. Платон (Левшин) и С.П. Шевырев с позиций христианской гуманности высказали в осторожной форме осудили ее «фанатическое уклонение от духа Любви»².

Реальная историографическая рефлексия в изучении деятельности Иосифа Волоцкого появилась лишь во второй половине 1860-х гг., оформившись в результате полемики между противниками и сторонниками основных подходов к изучению и выводов, предпринятых И.П. Хрущевом в своей магистерской диссертации «Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого»³ (1868). В 1860 – 1900-е гг. историография развивается по принципу качелей: сторонники первого («православного») и второго («либерального») направлений критиковали построения друг друга, пытаясь найти в них ненаучные элементы, актуализацию прошлого. Наиболее показательными в этом отношении являются дискуссии К.И. Невоструева с О.Ф. Миллером⁴, В.И. Жмакина с Е.Е. Голубинским⁵ и «заочное», но весьма показательное противостояние П.Н. Милюкова и иером. Тарасия (Кургановского)⁶. Споры о сущности иосифлянства и нестяжательства в этот период имеют тенденцию перерастать в вопрос о тождественности этих течений эле-

¹ «Просветитель» преподобного Иосифа Волоцкого // Православный собеседник. 1859. Кн. III. С. 178.

² Шевырев С.П. История русской словесности. Часть IV, содержащая XV-е столетие и начало XVI-го. М., 1860. С. 174.

³ Хрущев И.П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.

⁴ Невоструев К.И. Рассмотрение книги г. Хрущова: «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого» // Отчет о XII присуждении наград графа Уварова. СПб., 1870. С. 84-186; Миллер О.Ф. Инквизиторские вожделения ученого (Посвящается профессору Невоструеву) // Заря. 1870. № 10. С. 294-304.

⁵ Жмакин В.И. Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881; Голубинский Е.Е. Разбор сочинения В. Жмакина «Митрополит Даниил и его сочинения» // Отчет о XXV присуждении наград графа Уварова. СПб., 1883. С. 27-48.

⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. II. СПб., 1897; Тарасий. Милюков и ученое шарлатанство (Основные начала и развитие русской культуры). Почаев, 1907.

ментам консервативной и либеральной идеологии. В 1916 г. вышло исследование В.Е. Вальденберга, в котором был поставлен вопрос о сложности и неоднозначности иосифлянской идеологии, несводимости ее к имеющимся в науке схемам. События Октября оказали разрушительное влияние на ту систему координат, которая сложилась в дореволюционной России в области изучения истории церкви.

В эмигрантской историко-философской мысли вопрос об особенностях историографического изучения деятельности Иосифа Волоцкого был заглушен историософским звучанием темы, особенно явно проявившимся в работах Г.П. Федотова, Г.В. Флоровского и Н.А. Бердяева. Единственной глубокой попыткой разобраться в причинах и следствиях расхождений в оценке Иосифа Волоцкого в исторической науке и общественной мысли дореволюционной России и эмигрантской среде стало фундаментальное исследование А.В. Карташева «Очерки по истории русской церкви» (1959). Но, хотя Карташев и отметил недопустимую степень идейно-политической ангажированности историографического поля, его решение проблемы – делать выводы исходя из «критерия канонизации»¹ также нельзя было назвать в подлинном смысле научной программой исследования.

Советский период характеризуется появлением специального интереса к историографии идейно-религиозных течений конца XV – начала XVI вв. В 1920 – 1930-е гг. этот интерес проявлялся в виде скепсиса по отношению к «старой» – дореволюционной историографии, ее направленности и эвристическим возможностям. С постепенным усвоением марксистского взгляда на социологию религии, укрепляется мнение, что проблема иосифлянства и нестяжательства «нуждается в освещении заново»².

В 1950 – 1980-е гг. историографическими вопросами истории иосифлянства занимались Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, А.А. Зимин, И.В. Курукин. Однако в исследованиях, выполненных в рамках марксистской методологии, отсутствовал, как правило, объективный анализ советского периода изучения деятельности Иосифа Волоцкого, крайне незначительное внимание уделялось эмигрантской историографии. Основное значение для советского периода историографии, на наш взгляд, имеют работы Я.С. Лурье, который подробно остановился на вопросах модернизации наследия Иосифа Волоцкого в дореволюционной историографии. Начало активного изучения наследия Иосифа Волоцкого Лурье связал с «моментом отмены крепостного права и проведения буржуазных реформ»³, породившим идейный раскол общества, транслировавшийся и на осмысление того или иного исторического процесса. Имен-

¹ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Том I. Репринтное воспроизведение. YMCA-PRESS. Париж, 1959. М., 1991. С. 397.

² Ржига В.Ф. Из полемики «иосифлян» и «нестяжателей» // Известия АН СССР. VII серия. 1929. № 10. С. 807.

³ Лурье Я.С. Вопрос об идеологических движениях конца XV – начала XVI в. в научной литературе // Труды Отдела древнерусской литературы института русской литературы АН СССР. Т. XV. М.; Л., 1958. С. 132.

но 1860-е гг. стали периодом, когда активно формировалась либеральная схема о «темном» и «светлом» началах на Руси, соотношение которых, в конечном счете, определило современный либеральным публицистам режим «самодержавно-клерикальной реакции». А.А. Зимин критически рассмотрел историографическую традицию изучения Иосифа Волоцкого, особенное внимание уделив проблеме осмыслиения социальной природы иосифлянства, нестяжательства и ереси живущих¹. Существенное влияние на историографический процесс оказала публикация «Посланий Иосифа Волоцкого», предпринятая в 1959 г. А.А. Зиминым и Я.С. Лурье². В историографических очерках Н.А. Казаковой, выполненных, в основном, в русле «официального оптимизма³», декларативно провозглашалось абсолютное превосходство советского этапа изучения идеино-религиозных движений средневековой Руси. Новизна советского подхода к изучению иосифлянства и нестяжательства состояла, с точки зрения автора в том, что была установлена связь «между развитием общественной мысли и социально-экономическим и политическим развитием Русского государства»⁴. Наконец, в статье И.В. Курукина⁵ был поставлен вопрос о терминологическом содержании понятий «нестяжательство» и «иосифлянство», на ряде примеров было показано, что традиционная схема понимания их сущности содержит в себе скорее логические, чем эмпирические основания.

После 1991 г. созданы все условия для объективного изучения сложнейшего историографического наследия, оставленного историками и мыслителями XIX – XX вв. Изучению частных проблем историографии содействуют глубокие исследования, в которых вскрывается логика формирования исторических представлений в эмигрантской и советской исторической науках. Исследовательский интерес к проблемам истории иосифлянства, характерный как для исторической, так и философской науки, однако, соседствует с многочисленными фактами модернизации и политизации наследия Иосифа Волоцкого. Тем не менее, в работах А.И. Плигузова и А.И. Алексеева, посвя-

¹ Зимин А.А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI в.). М., 1977; он же. О политической доктрине Иосифа Волоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 159-177; он же. Основные проблемы реформационно-гуманистического движения в России XIV – XVI вв. // История, фольклор и искусство славянских народов. Доклады советской делегации: V Международный съезд славистов. М., 1963. С. 91-119; он же. Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.

² Послания Иосифа Волоцкого. Подготовка текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959.

³ Кныш Н.А. Образ советской исторической науки в первое послевоенное десятилетие. Автореф. дис ... канд. ист. наук. Барнаул, 2009. С. 3.

⁴ Казакова Н.А. Изучение русской общественной мысли конца XV – начала XVI веков в советской научной литературе / Н.А. Казакова // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1959. Вып. 4. С. 53

⁵ Курукин И.В. Заметки о «нестяжательстве» и «иосифлянстве» (Историографическая традиция и источники) // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР. Дооктябрьский период. Сб. ст. М., 1981. С. 57-76.

щенных реконструкции истории раннего иосифлянства и нестяжательства отмечены многие «родовые» особенности истории изучения и осмысления деятельности Иосифа Волоцкого. А.И. Плигузов, в центре исследований которого находились памятники нестяжательской книжности, одним из первых поставил вопрос об «ортодоксальной историографической традиции» сформировавшейся в изучении отношения иосифлян и нестяжателей к земельной собственности и основанной на построениях дореволюционных ученых В.А. Милютина и А.С. Павлова¹. В монографии А.И. Плигузова делается справедливый вывод о том, что историография XIX – XX вв. в общей оценке идейно-религиозных течений опиралась не столько на данные источников, сколько на историографическую традицию XIX в. «которая сама нередко отставала от источниковедческих исследований и апеллировала к «априорным» истинам»². Принципиально важными стали авторские наблюдения над магистральными путями развития изучения церковной истории, среди которых выделяется мнение о восприятии советской историографией, при декларируемом новаторстве, устаревших «народнических» взглядов на церковь, влиянии на церковно-историческую тематику в 1930 – 1980-е гг. партийных кампаний и ограничений, накладываемых марксистско-ленинской методологией³.

Работы А.И. Алексеева, посвященные раннему иосифлянству, поднимают многие острые вопросы его источниковедения и истории, объективно выступая против упрощенных схем, укоренившихся в общественной мысли и науке, в которых Иосиф Волоцкий представлен «в качестве символа начетничества, обскурантизма и религиозной нетерпимости»⁴; изучение и перепроверка некоторых пунктов историографической традиции позволили ученому сделать вывод о том, что в историографии прочно укоренились и даже преобладали «однобокие (можно сказать уродливые) оценки деятельности Иосифа Волоцкого и его направления»⁵. В работах представителей современной зарубежной исторической науки Д. Островски⁶ (США) и А. Лангелера⁷ (Нидерланды) рассмотрены некоторые историографические аспекты изучения Собора 1503 г., ставшего одним из символов начинавшегося противостояния иосифлян и нестяжателей. Д. Гольдфранк (США) подчеркнул сохраняющую

¹ Плигузов А.И. Историографические заметки о «нестяжательстве» // Архив русской истории. Вып. 2. М., 1992. С. 5-33.

² Плигузов А.И. Полемика в русской церкви первой трети XVI столетия. М., 2002. С. 43.

³ Плигузов А.И. Об изучении средневековой истории русской церкви // Православная община. 1996. № 1. С. 82-93.

⁴ Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480 – 1510-х гг. СПб., 2010. С. 15.

⁵ Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV – начала XVI вв. СПб., 2002. С. 316.

⁶ Островски Д. 500 лет спустя: церковный Собор 1503 г. // *Palaeoslavica*. 2003. № 11. Р. 214-239.

⁷ Лангелер А. Нил Сорский и Иосиф Волоцкий на церковном соборе 1503 г. (историографические заметки) // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI – XIX вв.: Сборник статей. М., 2000. С. 222-227.

ся в современной историографии борьбу двух парадигм изучения идейно-религиозных течений конца XV – первой половины XVI в.: если одна из них базируется на их понимании как противостояния «мягкого исихаста-неистяжателя Нила против стройного чиновника-вотчинника-обрядчика-инквизитора Иосифа», то вторая придерживается «материальной логики орфографии и водяных знаков источников»¹, т.е. ищет источниковедческих, а не публицистических в своей основе аргументов. Однако во всех этих работах не ставилось цели фронтального изучения всего комплекса мнений и оценок деятельности Иосифа Волоцкого сделанных в XIX – XX веке.

Методологическая основа исследования определяется его предметом, а также целями и задачами, которое оно призвано решить. Междисциплинарный характер исследования требует сочетания широкого спектра общен научных (таких как анализ, синтез, аналогия и др.) и специальных методов изучения исторического процесса. В его центре находятся фундаментальные принципы историзма и объективности, применяемые в рамках феноменологического и диалектического подходов. В работе широко используются как традиционные методы, применяемые в исторических и историографических исследованиях – такие как сравнительно-исторический, историко-генетический, хронологический, ретроспективный, так и методы, появившиеся в связи с широким развитием таких отраслей исторического знания, как история идей и интеллектуальная история. Современное историческое исследование, связанное с изучением этих предметных областей должно учитывать различные взаимодействия, возникающие между идеями и «теми социальными, политическими, религиозными, культурными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются»². В условиях ожесточенных дискуссий о содержании понятия «историография»³, выявивших его многочисленные «болевые точки», при изучении исторического нарратива, выяснении его роли «в процессе коммуникации между историей и современностью»⁴, необходимо использовать культурологический подход.

В данном исследовании мы придерживаемся широкой трактовки предмета изучения исторических воззрений, идей, концепций, предложенного

¹ Гольдфранк Д. Этапы и итоги полувековой истории исследований о Ниле Сорском и переводах его сочинений // Нил Сорский в культуре и книжности Древней Руси. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2008. С. 16.

² Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 271.

³ Камышин В.Д. Теоретические проблемы историографии как научной и учебной дисциплины на рубеже XX – XXI столетий // Известия Уральского государственного университета. Сер. Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 3 (78). С. 54-66; Попова Т.Н. Историографическая наука: проблемы самоназования // Категоріальний аппарат історичної науки: Харківський історіографічний збірник. Харків, 2000. С. 20-33; Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский. М., 2010.

⁴ Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь»? Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории. Петропавловск, 2003. С. 79.

Т.А. Володиной, который позволяет привлечь максимально широкий круг источников, благодаря которым формировались исторические представления того или иного общества¹. Академическая историография, рассматривается нами как неотъемлемая часть «социальной метасистемы»², тесно связанная с идеологией, политикой и культурой. Созвучными и вполне применимыми для целей настоящего исследования оказались наработки крупнейшего польского философа науки Е. Топольского о «внесточниковом знании»³ исследователей, которое оказывает непосредственное влияние на результат их деятельности.

Научная новизна исследования. В данном исследовании впервые в отечественной исторической науке осуществлено комплексное изучение историографического и публицистического наследия XIX – XX вв., предметом которого является деятельность Иосифа Волоцкого. На обширном материале прослежена связь между исторической наукой и социокультурным ландшафтом различных эпох, генезис и филиация идей об Иосифе Волоцком на их фронтире. Также на примере изучения деятельности Иосифа Волоцкого изучены механизмы рецепции элементов исторических идей в идеологических системах различного типа.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его материалы существенно дополняют картину развития отечественной исторической и церковно-исторической наук, а также общественной мысли XIX – XX вв. Результаты исследования помогут глубже понять специфику зарождения, развития и трансформаций явлений и процессов, которые проявлялись в изучении истории русской церкви в дореволюционной, эмигрантской и советской науке. Наблюдения над взаимовлиянием идеологии и науки, связи между общественно-политическими изменениями в обществе и научно-историческими концепциями могут быть использованы в историографических исследованиях, а также работах, посвященных изучению интеллектуальной истории, истории идей, социальной истории науки. Материалы исследования могут быть использованы при составлении обобщающих и специальных историографических работ, лекционных курсов по истории общественной мысли и истории русской церкви.

Положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Изучение и осмысление деятельности Иосифа Волоцкого и его ближайших сподвижников (иосифлян) в XIX – XX веках являлось актуальной темой исследования, привлекая специалистов самых разных областей научно-

¹ Володина Т.А. О расширении предмета историографических исследований (к постановке вопроса) // Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000. С. 314.

² Соловей Т.Д. Историческая эволюция государственной политики в отношении гуманитарных наук в России: XIX – начало XXI вв. Дис. ...д.и.н. М., 2005. С. 4.

³ Топольский Е. О роли внесточникового знания в историческом исследовании // Вопросы философии. 1973. № 5. С. 76-82.

го знания (историков, философов, филологов и т.д.), а также общественных деятелей.

2. Научное изучение деятельности Иосифа Волоцкого в XIX – XX веках испытала на себе разнообразные неакадемические влияния.

3. Для понимания особенностей и механизмов восприятия российским обществом наследия Иосифа Волоцкого необходимо принимать во внимание не только академическую традицию изучения иосифлянства, но и историю его восприятия в отечественной общественной мысли.

4. Элементы наследия Иосифа Волоцкого были использованы при обсуждении узловых проблем российской истории и оценке исторического пути России в различных общественно-политических теориях.

5. Наиболее продуктивной формой изучения наследия Иосифа Волоцкого является комплексное академическое исследование его деятельности и идеологии на фоне истории России XV – XVI вв.

Структура исследования определяется проблемным полем, составляющим его предмет, и состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Апробация работы. Результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры Отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Основные положения диссертации были апробированы на конференциях международного (в том числе и зарубежных) и всероссийского уровня, нашли отражение в научных периодических изданиях, изложены в 11 публикациях, три из которых напечатаны в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, определяются его проблематика, предмет, цели и задачи, объясняются хронологические рамки, дается характеристика степени изученности темы, источникам и методам исследования, формулируется его научная новизна и практическая значимость.

Первая глава «Иосиф Волоцкий в проблемном поле дореволюционной исторической науки и общественной мысли (XIX – начало XX в.)» посвящена анализу истории изучения деятельности Иосифа Волоцкого в отечественной научной, историко-публицистической и религиозной мысли XIX – начала XX вв..

В §1 «Начальный этап изучения деятельности Иосифа Волоцкого в российской церковно-исторической науке: первая половина XIX в.» исследованы генезис и особенности изучения деятельности Иосифа Волоцкого в особой отрасли исторического знания – церковно-исторической науке.

Начало систематической разработки истории русской церкви связано с исследовательской активностью «ученых-клириков» первой половины XIX вв. Светская историография XVIII в. (В.Н. Татищев, М.М. Щербатов, Н.И.

Новиков, публикации источников сделанные А.Л. Шлецером и Г.Ф. Миллером) оставила чрезвычайно скучное наследие в виде отрывочных наблюдений над событиями конца XV – XVI вв., пары опубликованных летописей и нескольких изданных в «Древней российской вивлиофике» сочинений Иосифа Волоцкого.

Первенствующее значение для разработки истории средневековой русской церкви в данный период имеют рассматриваемые в диссертации труды митрополита Платона (Левшина), епископа Иннокентия (Смирнова), митрополита Филарета (Гумилевского), митрополита Евгения (Болховитинова), а также примыкавшего к ним круга церковных и светских авторов (митрополит Игнатий (Семенов), А.Н. Муравьев, Н. Руднев, Н.П. Турчанинов и др.). Первые опыты специального исторического синтеза, представлявшие попытку перехода от пересказа житийного материала к изучению литературных трудов Иосифа Волоцкого появились лишь в 1847 (П.С. Казанский) и 1865 (священник Н.А. Булгаков) годах. Авторы церковно-исторических исследований строили работу в довольно жестких конвенциональных рамках: на выводы оказывало влияние специфически понимаемый предмет церковной истории, мыслившейся составной частью круга богословских наук, подход к изучению того или иного факта (в том числе и биографии Иосифа Волоцкого) с точки зрения «правды истории и Евангелия», включение исследования в контекст полемики с «инославными» и раскольническими воззрениями.

Усилиями представителей церковной иерархии и духовных академий вводится в исследовательский оборот основное произведение Иосифа Волоцкого – «Просветитель» (1855 – 1857, при Казанской духовной академии), три «Жития» Иосифа Волоцкого (1865, К.И. Невоструев, профессор Московской духовной академии), «Письмо о нелюбках» (1851, А.В. Горский, профессор Московской духовной академии). Публикации текстов сочинений Иосифа Волоцкого привлекались в церковно-исторических работах в качестве образцов для задач православной гомилетики (работы священника А.И. Журавлева, Н. Руднева, П.С. Казанского).

Основной отличительной особенностью данного этапа историографии является осмысление деятельности Иосифа Волоцкого по борьбе с ересью «жидовствующих» в качестве своеобразного подготовительного этапа противостояния официальной церкви и Раскола. Бинарная оппозиция «учитель чистой веры» Иосиф Волоцкий – «скверная, гнусная» ересь, ниспровергавшая «все, что только есть в человеке достойного и высокого» проходит сквозным сюжетом практически через все церковно-исторические сочинения первой половины XIX в. При описании «ереси жидовствующих» авторами для показа значимости борьбы Иосифа с силами «зла» зачастую использовались стереотипные, клишированные представления об иудеях, как «лукавых», «скрытых», коварных людях.

Деятельность Иосифа Волоцкого авторы церковно-исторических произведений рассматривали в контексте «ревности» преподобного в защите православных и государственных начал, инквизиционное по характеру наказание

еретиков (сожжение 1504 года) затушевывалось ссылками на «гражданский суд» престарелого Ивана III, выводя из-под огня возможной критики Иосифа Волоцкого. Нравственный облик основного обличителя ереси рисовался православным богословам в качестве воплощения морального идеала, а некоторые сюжеты из жизни Иосифа Волоцкого (например, конфликт с новгородским архиепископом Серапионом (1507 – 1509), допускавшие двоякую трактовку, трактовались как «грустная размолвка» или «темное облако» на лучезарном горизонте жизни и деятельности Иосифа Волоцкого.

В 1859 г. из той же духовно-академической среды появляется знаменитая речь А.П. Щапова «Голос древней церкви об улучшении быта несвободных людей». Деятельность Иосифа Волоцкого получила у Щапова совершенно иное, чем прежде, толкование – он был представлен как реформатор социальной жизни, предвестник «грядущей свободы чад Божиих». Негативная реакция на такую постановку вопроса со стороны церковного начальства, по сути, ничего не могла уже изменить – общественно-политические реформы 1860-х годов властно вписывали сюжеты древнерусской жизни в контекст современной эпохи.

В §2 «Поляризация взглядов на историческое значение Иосифа Волоцкого (1868 – 1870 гг.)» анализируется историографическая ситуация, сложившаяся вокруг магистерской диссертации И.П. Хрущова (1841 – 1904) «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого» Полемика стала одним из наиболее показательных примеров взаимодействия исторической мысли и социокультурного «кода» пореформенной России.

В диссертации И.П. Хрущова была впервые поставлена задача комплексного изучения истории текстов, принадлежащих основоположнику иосифлянской идеологии и других ее представителей, были сделаны первые шаги к изучению социального состава братии Иосифо-Волоколамского монастыря, привлечены в качестве источников для реконструкции взглядов Иосифа Волоцкого большинство его посланий, «Устав» и «Духовная грамота»; немаловажной была публикация в приложениях к книге ряда посланий Иосифа Волоцкого и «Извета», обнаруженного ранее А.В. Горским и К.И. Невоструевым.

Работа, имеющая специальный характер и даже содержащая оговорку, о том, что автор «ни в чем не касается духовной стороны вопроса», тем не менее, несла в себе авторскую точку зрения на идеологические основы иосифлянства – мировоззрение Иосифа было определено как «консервативное», его деятельность по борьбе с ересью сравнивается с деятельностью католического духовенства, сам волоцкий игумен объявляется предтечей российского деспотизма, т.к. на его взглядах «воспитался Грозный».

Вопрос об исторической оценке Иосифа Волоцкого вызвал к жизни два подхода, представленные с одной стороны О.Ф. Миллером и Н.И. Костомаровым, а с другой – К.И. Невоструевым. Полемика, начавшаяся между представителями различных подходов, демонстрирует новые качества ученого спора во время масштабных социально-экономических преобразований: на

передний план в дискуссии выходят политические симпатии и антипатии полемистов, их отношение к государственно-церковным отношениям, сложившимся в новейший период, воззрения на роль религии в жизни общества, на принципы взаимодействия внутри ученой корпорации.

Воззрения Н.И. Костомарова и О.Ф. Миллера, высказанные в рецензиях отличает крайняя степень модернизации исторического процесса. Н.И. Костомаров даже пытался найти прототип Иосифа Волоцкого в современном ему обществе в лице консервативного «публициста» вроде М.Н. Каткова, и парламентского «оратора». О.Ф. Миллер выступил против методов борьбы с ересью, которые отстаивал Иосиф Волоцкий: в ряде работ ученый выдвинул идею об Иосифе Волоцком как носителе традиций «византизма» на русской почве, несущего в русское общество религиозную нетерпимость, фанатизм, схоластику. В противовес «консерватору» Иосифу Волоцкому сторонником «духовной свободы» (своеобразным «либералом») был назван Нил Сорский, к чьему «призыву» Миллер приглашал прислушаться современников.

Противоположную сторону занял К.И. Невоструев. Переписка с архиепископом Тверским и Кашинским Саввой (Тихомировым), привлеченная в нашей работе, показывает, что вопрос об оценке Иосифа Волоцкого являлся для К.И. Невоструева глубоко личным и отражающим мировоззрение традиционно мыслящей части «духовной» профессуры. Невоструев выступил сторонником житийной интерпретации деятельности Иосифа Волоцкого, а в самой возможности публичной критики преподобного усмотрел определенную неблагонадежность. Позицию И.П. Хрущова, Н.И. Костомарова, О.Ф. Миллера, П.А. Бессонова (в историографии ошибочно считающегося сторонником идей К.И. Невоструева) он считал направленной «к унижению преподобного», идеи «о преимуществе общества перед церковью в деле религиозного образования народа» – провокационными. Позицию К.И. Невоструева можно назвать «охранительной» в отношении церковного предания.

Такая постановка вопроса не могла не отразиться на личностном аспекте взаимодействия полемизирующих историков – Невоструев выступил яростным противником присуждения И.П. Хрущову престижной Уваровской премии, усматривая в ряде представителей исторической науки скрытых симпатизантов соискателя. Непримиримость Невоструева вызвала в ответ еще более непропорциональную реакцию О.Ф. Миллера, обрушившегося на «приверженцев насиления совести» и назвавшего Невоструева «изувером» и «археологической диковиной» в откровенно издевательской по тональности статье «Инквизиторские вожделения ученого» (1870). Лишь смерть Невоструева в 1872 г. затушила очаг этой своеобразной «историографической войны».

В §3 «*Иосиф Волоцкий и историография предреволюционной России (последняя треть XIX века – 1917 г.)*» показаны основные тенденции в изучении деятельности Иосифа Волоцкого в академической историографии и ее восприятии в общественной мысли указанного периода.

В 1860-х гг. усиливается диссонанс между традиционным церковно-историческим направлением «историков-клириков» и светской историографией. На фоне активно развивающейся публицистики и ветвления общественной мысли, а также выявления и публикации значительного количества памятников средневековой русской политической и религиозной мысли, образованное общество все менее довольствовалось историей русской церкви, изложенной в «карамзинской» или «устяловской» тональности.

Ряд представителей церковно-исторической науки сохранили в своих исследованиях верность «критерию канонизации» и назидательному тону (работы таких авторов как К. Добронравин, М. Богданов, П.И. Малицкий, М.В. Толстой), представляя литературную переработку «Жития» Иосифа Волоцкого в качестве его автобиографии. Но магистральными (в общем историографическом потоке) стали работы, выполненные митрополитом Макарием (Булгаковым) и Е.Е. Голубинским. В этих работах был взят курс на максимальное расширение источниковой базы исследования, частичное заимствование позитивистской методологии. Но курс на церковно-исторический «объективизм» не вполне выдерживался даже этими учеными-энциклопедистами: и митрополит Макарий, и Е.Е. Голубинский были втянуты в дискуссию о религиозных и политических взглядах Иосифа Волоцкого. Пытаясь обойти «острые» вопросы, Макарий и Голубинский старались дать логичное толкование тому или иному действию Иосифа Волоцкого, но не покушались на его восприятие как человека «светлого, обширного и образованного ума».

После полемики по диссертации И.П. Хрущова журнальная рецензия стала мощным оружием идеологической борьбы в форме обсуждения вопросов отечественного прошлого. В этом отношении характерны (зачастую анонимные) рецензии журналов «Вестник Европы» и «Отечественные записки» на работы по истории русской церкви и литературы, ряд из которых рассмотрен в диссертации. Пик крайне ангажированных, написанных в непримиримом в отношении иосифлянства ключе статей приходится на 1870 – 1872 гг., когда либеральная интеллигенция находилась под воздействием впечатления от труда А.П. Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (1870). Картина русского общества XV – XVI вв. как «векового господства одной неосмысленной знанием веры, без развития умственных способностей, разума и мысли», чему способствовала «монашеско-полицейская» партия «иезуитской морали» (иосифляне) подводила публицистов дать оценку деятельности Иосифа Волоцкого с позиции ее значения для российского цивилизационного пути. Усвоение идей Иосифа Волоцкого русским человеком делало его, по мысли либеральных публицистов, «забытым, ничтожным, юродивым», консервировало клирикальные порядки, пережитки которых открыто критиковались рецензентами. Мотив о «не тех людях», возглавивших идеяное развитие Руси в конце XV века приводил к поискам исторических аналогов необходимого для Руси «сильного и образованного вождя», среди которых назывался даже М. Лютер.

Понимание иосифлянства как мировоззренческой системы протоинквизиционной «школы внешнего обрядового благочестия», состоящей из элементов обскурантизма, ретроградства, фанатизма и ханжества нашло отражение в трудах таких крупных исследователей А.Н. Пыпина, М.Н. Сперанского, В.И. Жмакина, П.Н. Милюкова, М.В. Довнар-Запольского, Н.П. Попова, А.С. Архангельского и многих других. Резонанс от диссертации В.И. Жмакина (1881) можно сравнить по объему и последствиям с обсуждением диссертации И.П. Хрущова. В ней закреплялось «либеральное» понимание трех аспектов деятельности волоцкого игумена: личностного (нравственный облик волоцкого игумена «не имеет стройной системы», базируется на бесплодных «внешних предписаниях»), литературного (Иосиф Волоцкий – не писатель, а «книжник – начетчик»), политического (Иосиф Волоцкий – консерватор, сторонник неограниченного самодержавия). К последнему предреволюционному десятилетию (особенно после Манифеста 1905 года), образ Иосифа Волоцкого как строителя идейных основ *l'ancien régime* был активно включен в общественно-политическую борьбу: вопрос об иосифлянском наследии в современной России стал активно дебатироваться не только историками, но и философами (например, Н.А. Бердяевым, В.В. Розановым, Р.В. Ивановым-Разумником, С.П. Мельгуновым).

При таком консолидированном натиске на картину отечественного прошлого представителям церковно-исторической науки не оставалось ничего иного, как вступать в полемику, принимая соответствующие «правила игры». Наиболее показательными в этом отношении выступают малоизвестные дискуссии Е.Е. Голубинского и В.И. Жмакина и П.Н. Милюкова и иеромонаха Тарасия (Кургановского). В рецензии на труд В.И. Жмакина Е.Е. Голубинский пытался с позиции современной им политологии и социологии доказать В.И. Жмакину, что консерватизм Иосифа Волоцкого был просвещенным, здоровым и вполне адекватным русским реалиям. Гневные тирады Тарасия (Кургановского) по адресу П.Н. Милюкова, по своей форме больше напоминали думские дискуссии кадетов и черносотенцев: так Милюков («ученый шарлатан»), с точки зрения автора, своей критикой Иосифа Волоцкого («славного вождя Церкви, выразителя вселенской веры и благочестия») попирал все, что дорого истинно русскому человеку с «точки зрения грубого материализма и полного нежелания понять наше прошлое».

Вторая глава «Иосиф Волоцкий и историко-философская мысль Русского Зарубежья (1920 – 1980-е гг.)» посвящена изучению процессов, связанных с осмыслилением деятельности Иосифа Волоцкого в научной и общественной мысли представителей русской эмиграции в XX веке.

В §1 «Иосиф Волоцкий в концепции Г.П. Федотова и Г. Флоровского и ее историографическом окружении: 1920 – 1940-е гг.» исследуется содержание и значение для историко-философской мысли Русского Зарубежья концепции деятельности Иосифа Волоцкого, предложенной Г.П. Федотовым и Г. Флоровским.

Обращение эмигрантской мысли к событиям XV – XVI вв. продиктовано поиском «точки слома» русской духовной традиции, приведшей к событиям Октября 1917 г. История церкви становилась в этом поиске необходимым звеном, но идеяная раздробленность эмиграции, разное отношение к революционным событиям, отсутствие полноценного академического общения между учеными-эмигрантами и их коллегами в СССР, невозможность строить исследование на более или менее обширном источниковом базисе подталкивало историков-эмигрантов к историософскому осмыслинию проблемы.

В трудах профессоров Свято-Сергиевского богословского института (Париж) Г.П. Федотова («Святые Древней Руси», 1931) и прот. Г. Флоровского («Пути русского богословия», 1937) была сформирована одна из магистральных линий осмыслиния деятельности Иосифа Волоцкого, поныне сохранившая свои приверженцев и противников. В центре концепции Г.П. Федотова находятся два тезиса – первый – о кризисе древнерусской святости в XVI веке (вызванном торжеством иосифлянской идеологии), ознаменовавшего начало процесса духовного обнищания (шедшего по схеме: Раскол – Петровские реформы – Октябрь), а также о прерывании Иосифом Волоцким традиций русского монашества, заложенных С. Радонежским. По мнению Г.П. Федотова Иосиф Волоцкий перенаправил цель и содержание монашеской аскезы с духовных на социальные рельсы, что совпало централизаторскими устремлениями московских великих князей. Идеи Иосифа Волоцкого, по мысли философа, подверглись аберрации со стороны объективной социально-экономической обстановки XVI в., сместившей «начала духовной свободы» с позиции общенациональной духовной традиции. Взгляды Федотова дополнил Г. Флоровский мыслью о «культурном опрощении», ставшем следствием увлечения иосифлянами «завоеванием мира на путях внешней работ в нем». Вымывание духовной составляющей из русской жизни привело впоследствии к «беспутству русской мысли» (Н.А. Бердяев).

Значение концепции Г.П. Федотова – Г. Флоровского заключается в презентации способа актуализации исторического наследия для объяснения недавних событий духовной жизни. В споре о концепциях Г.П. Федотова и Г. Флоровского обозначили свои позиции такие видные мыслители как Ф.А. Степун (считавший, что образ Иосифа Волоцкого навеян Федотову «двуединством Ленина и Победоносцева»), П.С. Лопухин, Н.А. Бердяев (с позиции философского персонализма максимально заостривший вопрос об Иосифе Волоцком как о «кроковом» представителе «государственного», «почти садического» православия), евразийцы Г.В. Вернадский и Н.Н. Алексеев (полагавший, что «полуязыческие призраки» иосифлянства «витают» над современным православием), Н.М. Зернов (призвавший бороться с «равноопасными» искажениями «подлинного лика России» – иосифлянством и коммунизмом).

В §2 «Основные тенденции в изучении деятельности Иосифа Волоцкого в эмигрантской историко-философской мысли второй половины XX в.» ана-

лизируется комплекс идей о деятельности Иосифа Волоцкого, созданный в эмигрантской среде в послевоенное время.

Эпоха «холодной войны», начавшаяся во второй половине 1940-х гг., обострила вопрос об «имперских амбициях», «завещанных» СССР теорией «Москва – Третий Рим». Интерес к прошлому русской церкви со стороны различных фракций русских эмигрантских мыслителей был стабильно высоким, что отразилось на появлении самых разнообразных взглядов и идей относительно «наследия» Иосифа Волоцкого в современной жизни.

Крайне негативистских, насквозь пропитанных современными политическими и идеяными взглядами на деятельность Иосифа Волоцкого придерживались П.К. Иванов, увидевший в Иосифе Волоцком проповедника «материальности и свирепости», а в иосифлянах – «церковных по лицмейстеров»; И.К. Смолич, рассматривавший иосифлянскую модель взаимоотношения церкви и государства в качестве тупикового пути русской духовной культуры; А. Шмеман, считавший Иосифа Волоцкого выразителем «утилитарной психологии» XVI века. И. Кологривов превратил традиционное противопоставление Иосифа Волоцкого и Нила Сорского в эффектную презентацию двух архетипичных для России психических типов (Иосиф Волоцкий – жесткий сторонник духовной «дрессировки», Нил Сорский – «святой интеллигент», тип князя Мышкина из «Идиота» Ф.М. Достоевского). Воззрения В.А. Рязановского и П.Е. Ковалевского были основаны на либеральной схеме XIX в., продолжает отстаивать свои взгляды Н.М. Зернов. Сторонниками слияния в иосифлянской программе развития церковной жизни позитивных и негативных «начал» выступили С.А. Левицкий и И. Мейendorф.

С более или менее очевидными апологиями деятельности Иосифа Волоцкого выступают в этот период Е.А. Извольская, В.В. Зеньковский, Н.Д. Тальберг, С.А. Зеньковский, трактовавшие социально-политические стороны учения Иосифа Волоцкого в положительном ключе. К примеру, видный деятель зарубежного христианско-социалистического движения С.А. Зеньковский считал Иосифа Волоцкого «христианским социалистом», в наследии которого «можно и теперь еще черпать силу для веры в будущее русского народа». Католический исследователь И. Денисов развел оригинальную аргументацию в пользу того, что Иосиф Волоцкий выступал неявным транслятором католических («западных») идей в русскую культурную и политическую жизнь, являлся сторонником «нового православия», нацеленного на межкультурный диалог, использующее западные культурные и политические стандарты. Наличие в русском православии такой традиции показывало, что диалог между РПЦ и католической церковью нельзя считать завершенным.

С попыткой консолидации взглядов историко-богословской части эмиграции выступил в «Очерках по истории русской церкви» крупнейший эмигрантский историк церкви А.В. Карташев (1959). Обозначив в качестве специфической черты историографического процесса ее неразрывную связь с идеяными установками различных исследователей, среди которых значительную роль играли «внерилигиозные и антирелигиозные деятели культуры»

ры», исследователь предложил исходить в определении вектора общей оценки деятельности Иосифа Волоцкого из «критерия канонизации» и оценивать ее «по духу» положительно. На максимально доступном ему источниковом базисе А.В. Карташев представляет Иосифа Волоцкого поборником идеалов «симфонии» на русской почве, создателем продуктивного и творческого церковно-государственного альянса, возложив тяжесть обвинений в духовном упадке на светских «противников церковности» XVIII – XIX веков. Идейная раздробленность русской эмиграции, впрочем, не позволила подходу А.В. Карташова стать доминирующим в историографическом процессе.

Третья глава «Советская историография Иосифа Волоцкого в контексте идеологических трансформаций (1917 – 1991)» содержит анализ трех историографических периодов, в которые под воздействием государственной идеологии изменялись подходы к осмысливанию наследия Иосифа Волоцкого.

В §1 «*Иосиф Волоцкий в историографии 1917 – 1934 гг.*» раскрыты характерные черты историографии Иосифа Волоцкого в период господства «школы М.Н. Покровского». Курс на дискредитацию «поповской» идеологии в науке, антирелигиозные кампании, свертывание деятельности ученых «старой школы», трансляция на прошлое актуальных задач борьбы с различными «религиозными предрассудками» существенным образом повлияли на историографический процесс.

В работах М.Ф. Паозерского, Е.Ф. Грекулова, А.Д. Дмитрева, Н.Н. Буркина, Н.М. Никольского и др. содержится максимально политически заостренное представление об Иосифе Волоцком как о «классовом враге», а оценка комплекса «иосифлянских» идей вполне сознательно использовалась для очернения современного авторам православного духовенства. Обвинения в адрес Иосифа Волоцкого дополнялись возврением на его деятельность как инквизиционную в отношении инакомыслящих (Н.М. Никольский сравнивал этот аспект деятельности Иосифа Волоцкого с черносотенным движением начала XX века), классово чуждую (Иосиф Волоцкий – «блудодолиз» самодержавной власти в терминологии А.Д. Дмитрева), «стяжательская» компонента иосифлянства была осмыслена как алчное обогащение за счет трудящихся масс. Политический заказ выступал в этих исследованиях в неприкрытой форме. К этому комплексу работ примыкают труды «обновленческого» церковного движения Б.В. Титлина, использовавшего противопоставление иосифлян – «церковников оппортунистического типа» и «бунтарей» – вольнодумцев для дискредитации Русской православной церкви в целом.

С падением М.Н. Покровского указанное направление вступает в фазу кризиса. Вышедшая уже в 1934 г. обширная статья Б.А. Рыбакова «Воинствующие церковники XVI века» содержала в себе последовательную попытку построения схемы идеологической борьбы в России на базе методологических обобщений Ф. Энгельса, нашедших отражение в работе «Крестьянская война в Германии» (1850). Исследовательское направление в данный период представлено оригинальной, но слишком выбивающейся из рамок марксист-

ской историософии схемой Н.А. Рожкова о психических типах Иосифа Волоцкого и Нила Сорского, более традиционными, написанными с позиции наработок исторической мысли XIX в. работами М.К. Любавского и А.Е. Преснякова, важными частными источниковедческими статьями В.Н. Пере-тца, А.Д. Седельникова, С.Н. Чернова, Н.П. Попова, В.Ф. Ржиги, позднее – М.Н. Тихомирова.

В §2 «*Идеологические трансформации в СССР послевоенного времени и оценка деятельности Иосифа Волоцкого в советской исторической науке (1945 – 1953 гг.)*» рассматривается новый виток актуализации деятельности Иосифа Волоцкого, связанный с крупными идеологическими новациями «позднего сталинизма». Корректировка официальных оценок прошлого России проходила на фоне возрастания внешнеполитической роли СССР и разгорающейся «холодной войны», вызвавшей к жизни интерес к теории «Москва – Третий Рим» и европейской политике России XV – XVI вв. Дискурс исторических исследований в военное и послевоенное время становился все более эстетистским. Заметную роль в изменении оценок истории русской церкви сыграл своеобразный культ Ивана Грозного, созданный работами С.В. Бахрушина, И.И. Смирнова, Р.Ю. Виппера.

В этот период историография Иосифа Волоцкого сделала головокружительный зигзаг: в работах подавляющего числа историков (среди которых такие ученые, как В.В. Мавродин, В.С. Покровский, И.У. Будовниц) Иосиф Волоцкий превращается в носителя прогрессивной централизаторской идеологии, сторонника крепкого единого национального государства, объединяющего вокруг себя «исторически прогрессивные» слои общества (П.П. Смирнов), в противовес нестяжателям, тянувшим страну к децентрализации. Созвучным кампании по возвеличиванию «первооткрывателей» русской науки и искусства стало понимание Иосифа Волоцкого как «русского ученого», разработавшего задолго до Ж. Бодена теоретические основы государственного суверенитета (В.И. Зуев). Иосифляне превращаются в энергичный, прогрессивный, передовой отряд русской церкви, выдвигающий исторически верные лозунги помочи великокняжеской власти, в то время как социальная демагогия нестяжателей лишь маскировала их аристократические тенденции (С.А. Покровский). В это время не только Вассиан Патрикеев и Максим Грек оказались зачисленными в стан «феодальной реакции», но и новгородско-московские еретики («революционная оппозиция феодализму») становились крайне ненадежным основанием для поддержания «всемирно-исторической роли Москвы», а их идеология нередко трактовалась как враждебная делу объединения (Д.С. Лихачев, М.Т. Иовчук, И.И. Смирнов и др.).

Единственным исследователем, выступившим против логической связки между иосифлянским политическим наследием и «народной» деятельностью Ивана Грозного стал А.А. Зимин в ряде статей, предложивший считать иосифлян временными союзниками централизаторской политики, «реформационно-гуманистическое» движение ереси жидовствующих – подлинным дви-

гателем общественного прогресса, а Ивана Грозного – самобытным русским писателем, отнюдь не зависящим от иосифлянской литературной школы.

В §3 «*Иосиф Волоцкий в советской историографии второй половины 1950 – 1980-х гг.*» содержится подробный анализ историографии Иосифа Волоцкого указанного периода. Благодаря изменившейся атмосфере в гуманистических науках в первое постсталинское десятилетие на арену выходят учёные, для которых занятия изучением идейно-религиозных течений XV – XVI вв. стали фактором профессиональной самоидентификации. В этот период появляются публикации «Посланий Иосифа Волоцкого» (А.А. Зимин, Я.С. Лурье), памятников еретической и противоеретической идеологии (Я.С. Лурье, А.А. Зимин, Н.А. Казакова, А.И. Клибанов), ново найденных посланий Иосифа Волоцкого (Б.М. Клосс, В.Б. Кобрин), посланий Вассиана Патрикеева (Н.А. Казакова), М.Н. Тихомировым, Ю.К. Бегуновым, Г.Н. Моисеевой, Р.П. Дмитриевой, А.Л. Гольдбергом, Н.В. Синицыной, А.И. Плигузовым изучаются памятники литературной и хозяйственной деятельности различных поколений иосифлянских, нестяжательских и еретических деятелей.

Наиболее продуктивным в изучении раннего иосифлянства стала вторая половина 1950-х гг., когда сформировались три основные «советские» подходы к изучению деятельности Иосифа Волоцкого. Условный «центр» среди них занимают работы А.А. Зимина, интерпретировавшего деятельность Иосифа Волоцкого как выразителя интересов русской церкви, заключившей «временный и условный союз» с велиокняжеской властью и борющейся за монополию на духовное развитие России. На огромном фактическом материале А.А. Зимин создал основанную на схеме развития средневековых идеологических движений Ф. Энгельса картину государственной и социально-экономической деятельности Иосифа Волоцкого и его монастыря.

Я.С. Лурье посвятил свое творчество изучению литературного наследия «иосифлянской» литературной школы, в частности – им было осуществлено текстологическое исследование 97 списков «Просветителя», обоснована история его создания, поставлен вопрос о его публикации. Среди самых разнообразных наблюдений Я.С. Лурье, следует отметить выводы о наличии «позитивной» программы переустройства православных монастырей, отраженной в Краткой редакции «Устава» Иосифо-Волоколамского монастыря, а также о самостоятельности и оригинальности творчества Иосифа Волоцкого, о сходных путях генезиса раннего иосифлянства и нестяжательства, представлявших два ответа русской церкви на вызов эпохи.

В авторской концепции А.И. Клибанова, представлявшей собой «вертикальный» подход к изучению истории еретических движений, представлено понимание личности и деятельности Иосифа Волоцкого как организатора русской контрреформации. Контрастные сравнения еретиков – носителей светлых гуманистических идеалов и их гонителей – «церковников», действующих в обстановке всеобщего недовольства их деятельностью, формируют негативный образ «клерикала», пропитанного нетерпимой, реакционной,

культурно-упрощенной идеологией, базирующейся на «демагогических призывах» к представителям феодального и податных сословий.

Дискуссии вокруг данных подходов составляют содержание историографического процесса 1950 – 1980-х гг. Дискурс подавляющей части исследований сводился к некоему синтезу воззрений А.А. Зимина и А.И. Клибанова, представляя портрет Иосифа Волоцкого с точки зрения ученого – атеиста, что дополнялось «валом» научно-популярной литературы, содержащей максимально прямолинейные оценки и даже призывы к «трудящимся» смотреть на Иосифа Волоцкого как на представителя идеологии враждебных классов.

Начавшиеся во второй половине 1980-х гг. общественно-политические изменения отразились на оценке истории русской церкви. Интерес общества к традиционной духовной культуре, отразившийся в праздновании Тысячелетия Крещения Руси, публикации трудов эмигрантских авторов, выходе многочисленных публицистических и научно-популярных работ, посвященных различным вопросам прошлого русской церкви, способствовали началу размывания монопольных представлений об Иосифе Волоцком как «апологете абсолютизма и церковной ортодоксии».

В заключении делаются обобщающие выводы относительно изученного источникового материала, вырабатываются рекомендации по организации дальнейшего изучения деятельности Иосифа Волоцкого.

В настоящем исследовании мы пришли к выводу о том, что на развитие историографического процесса XIX – XX вв. оказали существенное влияние социокультурные и социально-политические явления и процессы. Историческая память российского общества об Иосифе Волоцком формировалась не только и не столько интерналистскими механизмами историографического процесса, сколько его синтезом с общественной мыслью или идеологической надстройкой эпохи. Анализ истории изучения деятельности Иосифа Волоцкого на протяжении XIX – XX веков показывает, что фигура Иосифа Волоцкого являлась своего рода лакмусовой бумагой, изменение «окраса» которой показывало динамику общественных настроений в дореволюционной, эмигрантской и советской среде.

Динамика восприятия образа Иосифа Волоцкого в исторической науке и общественной мысли России XIX – XX вв. позволяет сделать вывод о сложности, многоаспектности деятельности волоцкого игумена. Возможность самой широкой трактовки наследия Иосифа Волоцкого, его глубина, яркость и оригинальность, сделали его чрезвычайно привлекательным объектом для включения в состав разнообразных социокультурных конструктов. Политизация и поиск актуального общественного звучания (понимаемого как осознание широкого влияния иосифлянского наследия на культуру, идеологию, религиозные практики, особенности государственного строя России) стали неизбежными спутниками профессионального изучения прошлого, выступая либо в виде его элементов (тем самым элиминируя, по сути, принцип объективности и искажая принцип историзма), либо в виде максимально-

заостренных историко-публицистических схем, бывших в свою очередь элементами тех или иных общественных возврений.

Вопрос об Иосифе Волоцком, с нашей точки зрения может быть и должен быть поставлен, прежде всего, в историографическом и источниковедческом аспектах, чтобы быть решенным продуктивно. Академическая наука является при таком подходе основой, на которой развивается перспективная модель решения вопроса. В рамках академической науки, под которой понимается междисциплинарный союз историографии, литературоведения, философии, социологии, религиоведения, должно синтезироваться объективное восприятие всех аспектов деятельности Иосифа Волоцкого.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

***Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах,
определенных ВАК Министерства образования и науки РФ***

1. Винокуров Д.А. Идейно-религиозные течения XV – XVI веков в советской историографии периода «великодержавного сталинизма»: идеология и наука / Д.А. Винокуров // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – № 108. – С. 28-34 (0,4 п.л.).
2. Винокуров Д.А. Из истории научных конфликтов в отечественной историографии XIX века: полемика вокруг магистерской диссертации И.П. Хрущова / Д.А. Винокуров // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – 2010. – Вып. 10. – С. 25-31 (0,4 п.л.).
3. Винокуров Д.А. Иосиф Волоцкий в церковно-исторической науке XIX – начала XXI века: основные историографические тенденции / Д.А. Винокуров // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6. – Ч. 3. – С. 47-51 (0,3 п.л.).

Статьи, опубликованные в других изданиях

4. Винокуров Д.А. Некоторые вопросы изучения истории русской церкви в советской исторической науке (А.А. Зимин и Я.С. Лурье и специфика их роли в разработке проблем раннего иосифлянства) / Д.А. Винокуров // Историк и его эпоха: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.А. Данилова (24 – 25 апреля 2007, Тюмень) / Ред. колл.: С.В. Кондратьев (отв. ред.) и др. – Тюмень: Типография «Печатник», 2007. – С. 146-148 (0,2 п.л.).
5. Винокуров Д.А. «Просветитель» Иосифа Волоцкого: трудный путь к академическому изданию (историографическая традиция и совре-

менное состояние проблемы) / Д.А. Винокуров // Документ. Архив. История. Современность: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Вып. 8. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – С. 151-156 (0,4 п.л.).

6. Винокуров Д.А. Иосиф Волоцкий и историко-философская мысль русского зарубежья 1930 – 1960-х гг. / Д.А. Винокуров // Научный молодежный ежегодник. Выпуск III. Часть 1. / Под редакцией Репинецкого С.А., Деминой А.И., Сидориной М.В., Толкачева М.В. – Самара: Издательство СамНЦ РАН, 2008. – С. 138-150 (0,8 п.л.).

7. Винокуров Д.А. Иосиф Волоцкий в проблемном поле историографии XIX – XXI вв.: наука и идеологическое мифотворчество / Д.А. Винокуров // Дні науки історичного факультету: Матеріали Міжнародної наукової конференції студентів, аспірантів та молодих учених, присвяченої 90-річчю Гетьманату Павла Скоропадського. – Вип. I. у 2-х част. / Редкол.: проф. В.Ф. Колесник (голова), доц. О.Ю. Комаренко (заст. голови), І.В. Семніст (видп. ред.) та ін. – Ч. 1. – Київ: Видавець Цимбаленко Э.С., 2008. – С. 123-126 (0,2 п.л.).

8. Винокуров Д.А Начальный этап изучения истории раннего иосифлянства в контексте формирования церковно-исторической науки в первой половине XIX века / Д.А. Винокуров // Исторический ежегодник. 2009.: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Рипэл, 2009. – С. 19-36 (1,1 п.л.).

9. Винокуров Д.А. Взгляды А.В. Карташева на роль Иосифа Волоцкого в истории России и эмигрантская историография / Д.А. Винокуров // Церковь в истории и культуре России: сборник материалов Международной научной конференции. Киров (Вятка), 22-23 октября 2010 года. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 381-384 (0,2 п.л.).

10. Винокуров Д.А. К вопросу о механизмах восприятия истории русской церкви в работах историков «школы М.Н. Покровского» (Иосиф Волоцкий в исследованиях 1920 – 1930-х гг.) / Д.А. Винокуров // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Научно-теоретический журнал. Серия «Гуманитарные науки и образование». – 2011. – Вып. 7. – С. 162-170 (0,5 п.л.).

11. Винокуров Д.А. Я.С. Лурье и изучение русских идейно-религиозных течений конца XV – начала XVI вв. в советской исторической науке 1940 – 1960-х гг. (марксистская методология, историографическая ситуация и авторская свобода) / Д.А. Винокуров // Историки между очевидным и воображаемым: проблемы визуализации в исторической мысли. Материалы XVII чтений памяти члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского. 7 – 8 апреля 2011 г. / Отв. ред. А.В. Хазина. – Н. Новгород: НГПУ, 2011. – С. 31-38 (0,5 п.л.).